

Непрочность умиротворения Генуи проявилась почти тотчас же после завершения работы комиссии. Об этом свидетельствуют два антиправительственных заговора, следовавших один за другим, — осенью 1576 г. и весной 1577 г.⁷⁰ Эти события нашли свое отражение в четырех документах, направленных к Мороне в Германию; официальным поводом их написания были взаимные обвинения правительства и *Rotta criminale* в неправильном ведении дела о заговорах 1576 и 1577 гг.⁷¹ Наибольший интерес из них представляют две пространные реляции,⁷² написанные от имени главного аудитора *Rotta criminale* Джеронимо Джирарди, подробно излагающие обстоятельства заговоров, их цели, указывают на силы, поддерживавшие заговорщиков, рисуют общую обстановку в Генуе.

А. М. КОНОНЕНКО

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ЧАСТНОМ АКТЕ

При разностороннем исследовании западноевропейского актового материала (особенно при подготовке его к критическому изданию) значительную трудность представляет вопрос о подразделении актов на частные и публичные. Относительно определения черт, присущих одной и другой группе, и, следовательно, установления границы между ними, до сих пор нет твердой точки зрения; вопрос обсуждается и поныне. Он не был обойден молчанием и на XII Международном конгрессе историков в Вене в 1965 г. Мы имеем в виду обстоятельный и интересный доклад Индриха Шебанека,¹ словацкого ученого, выступившего на конгрессе. В докладе была дана картина развития дипломатики, причем преимущественно дипломатики частных актов, и намечены пути, которым, по мнению докладчика, она должна следовать в дальнейшем.

Вопрос о подразделении актов на частные и публичные очень давний, но научная разработка его началась только с XIX в.

Теодор Зиккель (1826—1908),² один из основоположников новой дипломатики западноевропейских средневековых актов, впер-

⁷⁰ F. Casoli. *Annali*... pp. 340, 343.

⁷¹ Стр. 1461—1476, 1497—1504 II тома.

⁷² Обе без даты. Они занимают вместе 12 листов убогистого текста.

¹ J. Šebánek. *Möglichkeiten der Weiterentwicklung der Diplomatie im Rahmen der historischen Mediävistik*. XII-ème Congrès International des sciences historiques, Rapports IV. Wien, 1965, pp. 147—153.

² T. Sickel. *Beiträge zur Diplomatie*, I—VIII, Wien, 1861—1882.

вые дал ряд дипломатических определений для научного анализа грамот. Но, по мнению Зиккеля, дипломатистам надлежит заниматься формой акта, историками же должно изучаться его содержание.³

Внимание Зиккеля было привлечено исключительно к императорским и королевским дипломам и к папским буллам. Зиккель считал основным предметом изучения дипломатики вопросы возникновения и развития формы актов. Однако уже при жизни Зиккеля интересы медиевистики требовали, чтобы внимание было обращено не только на императорские, королевские и папские грамоты, но также на поистине безбрежную область частных актов.

Возрастает количество изданий частных актов, их исследование становится одной из первоочередных задач, методы же их научной обработки как со стороны формы, так и со стороны содержания, точные и исчерпывающие приемы их анализа не были выработаны. Не утратило выразительности выражение известного палеографа и дипломатиста А. Боюара, приведенное им еще сорок лет тому назад на первых страницах его прекрасного руководства по французской дипломатике: «ученый ощущает гнетущее чувство пигмея перед высокой горой».⁴ Следует отметить, что в 70-х годах XIX в. уже проявилось серьезное отношение именно к частным актам. Впервые ввел их в сферу изучения Ю. Фиккер (1826—1902),⁵ подчеркнувший главным образом значение историко-правового содержания этих грамот. Метод Фиккера был развит Г. Бруннером (1840—1915)⁶ в его превосходном исследовании частных актов раннего средневековья. Что особенно важно, оба исследователя ставили перед собой задачу изучения истории самого акта, установление значения акта как исторического источника. Но подход к материалу Фиккера и Бруннера влек за собой опасность разделения формы и содержания при исследовании частных актов.⁷

Вопросом дипломатики частных актов занимались в XIX в. многие крупные ученые — палеографы и дипломатисты. Назовем следующие заметные имена. Это Поссе, Редлих, Бреслау, Жири. Обратимся к высказанным ими точкам зрения относительно деления актового материала на акты публичные и акты частные.

³ R. Rosenmund. Die Fortschritte der Diplomatie seit Mabillon. München und Leipzig, 1897, SS. 57—72.

⁴ A. de Bouard. Manuel de diplomatie française et pontificale I: Diplomatie générale. Paris, 1929, p. 7 («un sentiment d'accablement. Un pygmée devant une montagne»).

⁵ J. Fick er. Beiträge zur Urkundenlehre, I—II. Innsbruck, 1877—1878.

⁶ H. Brunner. Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunden. Berlin, 1880.

⁷ О Фиккере и Бруннере см. общий очерк: R. Rosenmund. Die Fortschritte der Diplomatie seit Mabillon, SS. 79—118.

Первый, кто провел линию деления между публичными и частными актами, был Отто Поссе.⁸ Ему принадлежит четкое мнение, что публичными актами являются исключительно акты высших представителей политической власти — императора, короля, папы. Эти грамоты неоспоримы, потому не подкрепляются свидетелями. Все остальные акты Поссе относил к категории частных. Среди них акты более низких феодальных слоев — епископов, крупных и мелких феодалов, синьоров городов-государств, а также акты капитулов, монастырей, ремесленных корпораций и т. п., акты просто частных лиц. Частные грамоты могли быть оспариваемы и потому нуждались в подтверждении свидетелями, имена которых приводились в акте.

Тезис Поссе был принят с некоторыми пояснениями Освальдом Редлихом.⁹ Он считал, что определение частных актов только как «некоролевских» и «непапских» в общем просто и удобно (особенно для большого количества раннего материала, вплоть до XIII в.), но требует оговорок в силу того, что частные акты крайне разнообразны как предмет исследования. Частный акт — понятие не совсем четкое. Редлих подчеркнул их крайнее разнообразие и встречающуюся спорность их типа.

Гарри Бресслау¹⁰ в своем основном и фундаментальном труде присоединился к определению частных и публичных актов, данному Поссе. Примечательно, что он усмотрел явную узость ограничения группы публичных актов одними лишь императорскими, королевскими и папскими грамотами. Он отметил большое количество некоролевских и непапских грамот, имеющих тем не менее официальную форму. Но из этого наблюдения Бресслау никакого вывода о категориях актов не сделал.

В широко известном исследовании по дипломатике Артур Жири¹¹ посвятил частным актам целую главу, не дав им четкого определения. Он ограничился тремя строками, в которых частный акт — тот именно, который имеет установленную форму, — определен как «гарантированный либо лицом, облеченным властью, либо нотарием, инвестированным в соответственном ведомстве».

В XX в. в интересующем нас вопросе наметился сдвиг. Ученые (Брауди, Хруби, Боуар, Ботье, Фихтенау) стали все чаще указывать на необходимость преодолеть искусственное разделение между формой и содержанием акта; каждый частный акт, к какой бы группе он ни принадлежал, требовал рассмотрения

⁸ O. Posse. Die Lehre von den Privaturkunden. Leipzig, 1887, S. 87.

⁹ O. Redlich. Die Privaturkunden des Mittelalters. München u. Berlin, 1911 (Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Hrsg. von G. v. Below u. E. Meinecke), s. VI.

¹⁰ H. Bresslau. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland u. Italien, 2. Bd., 1. Abteilung, 2. Aufl., Leipzig, 1915, S. 81.

¹¹ A. Giry. Manuel de diplomatique. Paris, 1925, p. 823.

одновременно с обеих сторон — дипломатической формы и содержания:

Эта точка зрения на соотношение между формой и содержанием была поддержана А. Ботье¹² и Г. Фихтенау.¹³ Кроме того, они полагали, что для успешного изучения всего огромного количества как публичных, так главным образом и частных актов следует шире применять сравнительный метод их изучения, избирая для этого акты разных стран.

Наиболее глубокий разбор вопроса о подразделении публичных и частных актов дал современный ученый, профессор французской Школы хартий А. Боюар, труд которого до последнего времени является основным по проблеме изучения средневековых актов. Теме частных актов Боюар посвятил 11 том своего двухтомного исследования.¹⁴ В труде Боюара на первых же его страницах имеется в виду ограничить «собственно область дипломатики». Объектом дипломатики является единственная категория — акты.

Углубленное изучение частных актов заставило задуматься над вопросом о границе между публичными и частными актами; ее установление представляет собой иногда немалые трудности. При рассмотрении этого вопроса, наиболее тщательно разработанного именно Боюаром, он придавал особенное, если не исключительное значение содержанию акта. К публичным актам Боюар относит акты, исходящие от государственных властей, в первую очередь самых высших в политической иерархии средневековья (император, короли, папа).

К частным актам Боюар относит акты, исходящие от частных лиц. Кроме того, к частным же актам Боюар причисляет акты, исходящие от официальных лиц и от учреждений, но по своему содержанию относящиеся к области частного права и имеющие оформление частных актов. Оба приведенные определения Боюара¹⁵ как будто обычны и сходятся с предложенными еще до него.¹⁶ Однако следует обратить внимание на некоторые весьма существенные черты этих определений. Во-первых, в определении публичных актов имеет чрезвычайно значимое выражение «в первую очередь» (*en premier lieu*), которое показывает, что вслед за важнейшими официальными лицами (император и короли, папа) авторами публичных актов выступают и другие лица, стоящие иерархически ниже первых, но также официальные

¹² A. B a u t i e r. L'exercice de la justice publique dans l'Empire carolingien. Paris, 1943.

¹³ H. F i c h t e n a u. Mensch und Schrift im Mittelalter. Wien, 1946.

¹⁴ A. B o u a r d. Manuel de diplomatique française et pontificale. I: Diplomatique générale. Paris, 1929; II: L'acte privé. Paris, 1948.

¹⁵ B o u a r d, I, pp. 40—41.

¹⁶ C. P a o l i. Programma scolastico di paleografia latina e diplomatica, I—III. Firenze, 1888—1900. См.: Paoli, t. III (Di diplomatica).

в средневековом обществе (князья светские и духовные и остальные феодалы, городские коммуны и т. п.). Во-вторых, в определении частных актов имеет не менее чрезвычайное значение указание на то, что официальные лица (обычно издающие публичные акты) могут издавать акты, по своему содержанию относящиеся к компетенции частного права (*qui rissortissent par leur nature au droit privé*) и по своей дипломатической форме сходные с актами частных лиц.

По мнению Боюара, образцом частного акта, даже если он имеет все признаки публичного, по содержанию его частное, служит, например, официальное послание сицилийского короля Карла I Анжуйского от 1269 г., в котором руанский капитул ставится в известность о смерти одного из каноников. Частный по своему содержанию акт был оформлен как публичный. Боюар объясняет такое оформление лишь «привычкой облеченных властью лиц» (*«autorités habituées à expedier actes et mandements»*).¹⁷

Как видим, эти характерные черты определений Боюара расширяют характеристику как публичных, так и частных актов; они подчеркивают «сложность» проведения демаркационной линии между ними, дают понять, что в некоторых случаях обе категории актов могут быть взаимопроникающими.

Кроме того, из определений Боюара вытекает его чрезвычайно существенное требование: дипломатист обязан принимать во внимание содержание акта, и это особенно касается категории актов частных.

Одно из последних по времени определений частных актов дается в недавно вышедшем словаре средневековых терминов, относящихся к области вспомогательных исторических дисциплин. Этот небольшой словарь называется «*Clavis mediaevalis*» («Средневековый ключ»).¹⁸ В статье о частном акте говорится: «Частными считаются все те акты, которые вышли не из императорской, королевской или папской канцелярии. Таким образом, к частным актам относятся все акты епископов, князей и феодалов, а также все те нередко в очень простой форме составленные записи, касающиеся любовных сделок частных судебных дел, передачи в собственность недвижимого имущества и др. Отсюда в области частных грамот возникает очень большое богатство форм и широкое разнообразие в составлении текста, в традиции и в скреплении, которые могут быть уяснены лишь в процессе специальных исследований (по районам и по учреждениям)».¹⁹ Это определение представляет собой шаг назад

¹⁷ Boüard, I, p. 38.

¹⁸ *Clavis mediaevalis*. Kleines Wörterbuch der Mittelalterforschung. Hrsg. von R. Klauser u. O. Meyer. Wiesbaden, 1962.

¹⁹ *Clavis*, s. v. «Privaturkunde». Интересно, что при этой статье словаря «*Clavis*» в рекомендуемой литературе названа книга А. Боюара (т. II),

по сравнению с классификацией Боюара. Здесь снова основным критерием для классификации служит не содержание, а канцелярии, которые могли в феодальном обществе издавать публичные акты.

Индрих Шебанек в своем обобщающем докладе на XII Международном конгрессе в Вене в 1965 г.²⁰ присоединяется к мнению Боюара и предлагает рассматривать неразрывно содержание и форму как две стороны одного объекта и считает, что именно это положение должно служить основой работы в области дипломатики. По мнению Шебанека, недостаточно обращено внимание на изучение дипломатики частных актов и в наши дни. В докладе отмечается, что на пути изучения дипломатики частных актов предвидятся известные трудности. Частные акты сохранились в неизмеримой массе материала, причем в значительной мере неопубликованного; изданные же акты не всегда критически обработаны, не всегда научно анализированы. На настоящем этапе их исследования требуется очень много длительной и углубленной работы.

Наряду с этим Шебанек подчеркивает следующее: для расширения и углубления работы над частными актами необходимо оживить и укрепить связи между всеми современными дипломатистами. Надо также учитывать, что дипломатический материал покоится на правовой основе и выражает правовые отношения. Ученым необходима осведомленность в этой области; при этом условии изучение частных актов может привести к интереснейшим данным о социальных особенностях соответствующего общества.²¹

Таким образом, надо высоко оценить выступление Шебанека как явление своевременное, отмечающее нужды медиевистики. Автор доклада ясно выразил свою цель — энергично двинуть по более сложным, но и по более плодотворным путям науку дипломатики, сочетав ее самыми прочными узлами с историческим исследованием. Мы полностью присоединяемся к высказанным в докладе словацкого ученого мыслям о перспективах дальнейшего развития западноевропейской дипломатики.

Итак, в распоряжении современного исследователя имеются серьезные труды по дипломатике, в частности по вопросу классификации актов; последний был рассмотрен учеными внимательно и детально, однако анализ материала показал, что четкой границы между публичными и частными актами провести не

хотя определение этого автора противоречит определению, даваемому в статье «Privaturkunde».

²⁰ J. Sebanek, XII-ème Congrès International de sciences historiques, Rapports IV, Wien, 1965, pp. 147—153.

²¹ Доклад И. Шебанека вызвал интерес и среди дипломатистов, работающих над материалом русских актов. См., например: С. М. Каптанов. Предмет, задачи и методы дипломатики. Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969.

удается. Жизнь общества, создававшего эти акты, своей сложностью и разнообразием неизбежно нарушала демаркационную линию между ними. Не удается поэтому твердо определить, где именно в огромном материале средневековых актов кончаются публичные и начинаются исключительно частные акты.²²

Практически при работе с частными актами возникает нередко необходимость тщательного анализа материала и со стороны содержания, с учетом социального положения действующих лиц и объектов их действий, и со стороны дипломатического оформления, иногда показывающего смещение правил, принятых для одной и другой категории актов.

Принимая определение частных актов, предложенное Бюа-ром, как руководящее в практике работы с актами, предлагаем несколько примеров.

1. Образцами без всякого сомнения частных актов являются обмены, дарения, продажи и сопровождающие их документы (ввод во владение, отказ жены или детей от их прав), инвестиции ливеллом, передача приданого, завещания и т. п.; в этих актах сторонами являются рядовые граждане: ремесленники, купцы, учителя, врачи, студенты, судьи, нотариусы.

Возьмем, например, акт продажи из Кремоны 1244 г.²³ По этому акту некто Бенвенут, сын Иоанна де Беато, продает участок земли братьям Петру и Николаю де Райнериис. По действующим лицам (частные лица), по характеру сделки (продажа) и по форме документ является частным актом.

Несколько сложнее определить, к какой категории относится торжественный акт дарения от 30 апреля 1367 г., совершенного правителем Падуи Франческо да Каррара.²⁴ Возможно ли причислить этот акт к частным? Казалось бы, что дарение даже со стороны официального и высокопоставленного лица, каким был Франческо да Каррара, вполне могло быть частным делом. Но обращают внимание следующие особенные черты документа: а) торжественность обстановки: акт был оглашен в зале Большого совета Падуи; б) дарение совершилось в знак признания заслуг²⁵

²² В некоторых случаях высказывались даже вполне определенные мнения, которые тем не менее не были широко приняты и остались лишь частным мнением отдельного ученого. См., например: A. Overmann. Gräfin Mathilde von Tuscan. Ihre Besitzungen. Geschichte ihres Gutes von 1115—1230 und ihre Regesten. Innsbruck, 1895, S. 211. Автор считает все акты крупных пожалований графини Матильды Тосканской, с ее торжественной подписью, актами частными; к ним же относит и акты передачи земель в лен и т. д.

²³ Акты Кремоны XIII—XVI вв. в собрании АН СССР. Под редакцией В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.—Л., 1961, док. 16.

²⁴ Архив ЛОИИ АН СССР, Западноевропейская секция, картон 205.

²⁵ В латинском тексте о заслугах сказано: «grata et fidelia obsequia», весьма торжественные слова, означающие какие-то крупные политические действия (административные, военные или др.).

одариваемого лица, представителя падуанского нобилитета из рода де Леоне, чьи заслуги послужили всему роду Каррара, т. е. правителям города-государства.

Перечисленные особенности подчеркивают официальный и, быть может, даже политический характер действий представителей рода де Леоне в отношении дарителя из Падуи. Таким образом, вопрос о том, был ли акт торжественного дарения 1367 г. частным или публичным, едва ли может быть решен окончательно.

2. Официальное лицо может издать обыкновенный частный акт: в коллекции документов XIV в. из города Падуи имеется акт от 8 ноября 1381 г.,²⁶ по которому правитель Падуи Франческо да Каррара (в лице своего представителя, «прокуратора») продает принадлежащий ему дом во Флоренции за 1700 золотых флоринов.

Если обратить внимание главным образом на основное действующее лицо (продавца), то акт можно причислить к группе публичных, так как Франческо да Каррара (как правитель Падуи) является официальным лицом, главой города-государства. Однако, продавая свой дом, он действует как лицо частное. Следовательно, содержание акта заставляет отнести его к категории частных. О том же свидетельствует его дипломатическое оформление — наличие свидетелей, обычные для текста документа купли-продажи формулы, удостоверяющая акт подпись нотариуса и т. п.

Сходный вывод можно сделать относительно акта дарения земли, совершенного императрицей Агельтрудой 11 декабря 907 г. из Камерино.²⁷ Императрица, ставшая монахиней, но именуемая «бывшей императрицей» («*olium imperatrix*»), дарует соседнему монастырю принадлежащую ей землю с виноградниками и постройками. Акт, несомненно, частный, хотя дарительница обладает прерогативами императрицы.

В упомянутой выше коллекции документов из Падуи имеется небольшой акт от 1369 г. Синьор Падуи Франческо да Каррара, он же генеральный викарий императора (Карла IV), дарует одному из видных падуанских нобилей Франческо де Леоне право рыбной ловли и рубки леса на берегах реки *Nove* около *Монтаньяны*. По содержанию акт публичный, изданный правителем города-государства и к тому же викарием императора. Форма акта имеет элементы публичности: отсутствуют свидетели, нет удостоверения нотариуса, но есть печать Каррара. При этом внешне документ имеет вид справки, деловой записки, но текст начинается словами, которые в публичных актах обычно именуется «промульгацией» (объявление о воле государя):

²⁶ Архив ЛОИИ АН СССР, Западноевропейская секция, картон 205.

²⁷ Архив ЛОИИ АН СССР, Западноевропейская секция, д. 1, картон 141.

«Noverint universi...», т. е. «Пусть знают все...». Такое начало свойственно дипломам императоров и италийских королей.²⁸

3. Акты, по форме частные, исходящие из среды правящего класса феодального общества на любой ступени — от короля до вассала, т. е. акты, исходящие от всех ступеней феодальной иерархии, если по содержанию они публичные, следует причислять к публичным. В таком случае они являются проявлением и признаком феодальной иерархии и ее системы. Для них характерно употребление в тексте отдельных специфических терминов и выражений (вассал, вассалитет, клятва верности и др.).

По этой причине к группе публичных актов должны относиться инвеституры. В качестве примера можно привести шесть актов инвеститур из падуанской коллекции. Это инвеститура феодем (от 24 мая 1317 г.) малолетнего сына за заслуги его отца и пять актов, в которых падуанский епископ инвестирует — или возобновляет инвеституры своих предшественников — децимальными феодами.²⁹

В качестве последнего примера спорности классификации актов приведем интересный материал — опубликованные известным исследователем истории Падуи Андреа Глория³⁰ двадцать грамот падуанских синьоров Каррара³¹ (за 1346—1402 гг.). Это постановления правителей Падуи а) по поводу освобождения граждан от уплаты налогов; б) по поводу прав монастырей при продаже и покупке, дарении, наследовании недвижимости, при приобретении ливеллов на землю.

Примечательно, что в тексте этих грамот объявляется об отмене властью синьора соответственных статей законов, т. е. городских статуты, от 1339 и 1366 гг. В статуте 1339 г. содержится запрещение освобождать от налогов и повинностей лиц, переселившихся из другого города или виллы в Падую. Эти лица были обязаны продолжать выплачивать налоги и исполнять повинности в том месте, откуда они переселились. Освободить от этого их могли два условия: 1) решение прежнего их совета (города или виллы) и решение Большого совета Падуи; 2) постройка в Падуе дома стоимостью не менее 100 ливров.

Синьор Падуи Франческо I (в 1360 г.) своей властью санкционировал освобождение от налогов гражданина из Эсте Франческо Папино и объявил отмененной (*derogatum*) для данного случая статью о налогах из статуты 1339 г.

²⁸ См. издание таких дипломов: L. Schiaparelli, *I diplomi di Berengario I*. Roma, 1903.

²⁹ От 17 января 1355 г.; от 10 апреля 1359 г.; от 20 января 1360 г.; от 12 марта 1363 г.; от 24 мая 1364 г. Архив ЛОИИ АН СССР, Западноевропейская секция, картон 205.

³⁰ Андреа Глория (1821—1911) был директором Museo Civico в Падуе и профессором вспомогательных исторических дисциплин в Падуанском университете.

³¹ A. Gloria. *Intorno ai diplomi dei principi da Carrara*. Padova, 1859.

В другой статье статута 1339 г. и в статутах 1366 г. сказано о запрещении продавать, обменивать, дарить, наследовать земли и всякое недвижимое имущество, если одной из сторон является духовное лицо, церковь, монастырь.

Синьор своей властью разрешил монастырю производить эти сделки, объявляя статью закона недействительной, отмененной для данного случая. Остановимся подробнее на грамоте Якопо II Каррара (1345—1350) от 7 июля 1350 г. (Глория прилагает таблицу факсимиле декрета). Аббату монастыря св. Юстины Николаю разрешается совершить покупку незастроенного усадебного участка (*sedimen garbum cum muraglis*) в городе Эсте за 140 ливров малыми денариями у граждан (3 лица) Эсте. Документ назван «*decretum*». Проявляя к аббату особую милость (*graciam specialem*), синьор постановляет «всей полнотой своей власти» («*de sue plenitudine potestatis*»), чтобы он — «свободно, по разрешению и безнаказанно» («*libere, licite et impune*») — получил возможность приобрести в собственность и по праву собственности усадебный участок в Эсте. Соответственно контрагентам также разрешается продавать свое недвижимое имущество аббату. При этом в декрете добавляется, что решению синьора, дозволяющего продажу земли монастырю, не должны противодействовать никакие статуты, постановления и поправки,³² в которых говорилось бы против этой продажи и которые противоречили бы декрету.

Все противоречащие постановления синьор полностью (*totaliter*) отменил (*derogavit*) своим декретом для данного случая.

Отметим, что декрет скреплен знаком и подписью нотариуса и наряду с этим также восковой вислой печатью синьоров Каррара, что, конечно, необычно. Отметим также, что акт совершен во дворце Каррара и в присутствии свидетелей. Напомним, что печать правителя и упоминание о полноте его власти — признаки акта публичного, не говоря уже об отмене статьи закона; знак и подпись нотариуса и присутствие свидетелей — признаки акта частного, не говоря уже об объекте сделки (участок земли).

Вспомним определение, данное Мюльбахером,³³ соединяющее в себе два противоположных понятия (акта публичного и акта частного): *Die Diplome privatrechtlicher Natur* — «дипломы частноправовой природы». Не отнести ли именно это определение к вышеописанным декретам падуанских правителей?

Думается, что оно сюда подходит, объединяя в себе указания на диплом (т. е. публичный акт) и на частноправовую природу акта. Добавим еще, что назначение анализируемого документа

³² В декрете Якопо II Каррара точно указан статут из 4-го тома статута коммуны Падуи и приведены его начальные слова: «года 1339, индикта VII, от февраля месяца, постановляем и приказываем, что всякие дома, земельные участки, всякое недвижимое имущество...».

³³ *Regesta Imperii*, I, 1888, S. XX.

состоит в том, чтобы разрешить и облегчить аббату крупнейшего монастыря Падуи покупку участка земли. В этой юридической процедуре аббат должен использовать данную ему синьором грамоту, как необходимое звено среди документов, при помощи которых оформлялась купля-продажа.

Приведенные рассуждения и некоторые примеры указывают, что освещение сложного вопроса классификации актового материала требует еще немало работы, для которой крайне необходимы крупные критические издания большого количества еще не обработанных и не изданных частных актов.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИКА В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на отставание византийской дипломатики как науки от темпов развития западноевропейской дипломатики. Действительно, если последняя располагает такими классическими работами, как труды Зиккеля, Фиккера, Жири, Боюара, Бресслау, Штейнакера и др., то все, что было выработано в этом отношении византийской дипломатикой, носило до самого последнего времени характер частных исследований. Так, если просмотреть первый историографический обзор литературы, относимой его автором к области дипломатики,¹ то окажется, что он посвящен главным образом публикациям актового материала, работам по хронологии, администрации, просопографии, географии, ономастике, топонимике, нумизматике, метрологии, сигиллографии и лишь в незначительной степени работам, которые можно отнести к собственно дипломатике. Правда, при этом Руйяр опустила работу русского ученого П. А. Яковенко о грамотах Нового монастыря на о. Хиосе, вторая глава которой «Главнейшие дипломатические признаки византийских императорских грамот XI—XV веков»² является по существу первым аналитическим исследованием дипломатического состава византийских актов. Не все вопросы, связанные с прочтением и осмыслением удостоверительных знаков и помет византийских актов, Яковенко удалось решить (например, следует отметить его ошибочную трактовку знака, впоследствии правильно прочтенного Дэльгером как Legimus,

¹ G. Rouillar. La diplomatique byzantine depuis 1905. Byzantion, 13 (2), 1938, pp. 605—629.

² П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917, стр. 63—118.